

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ГАЛИНА ИВАНОВНА СМАГИНА

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ СОМОВ

архивист-исследователь,
Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vladimiralsomov@gmail.com

УДК 001(09)-05
DOI 10.24411/2079-0910-2019-14001

К 310-летию академика Якоба фон Штелина

Петербургская академия наук и Коллегия иностранных дел в семейной переписке Якоба фон Штелина¹

Академик Якоб (Яков Яковлевич) фон Штелин (Stählin, 1709–1785), благодаря своим талантам, разнообразной деятельности и связям при императорском дворе был одним из самых влиятельных членов Петербургской академии наук. Его переписка с сыном Петром Яковлевичем Штелиным (1744–1800), состоявшим на русской дипломатической службе, сохранилась в семейном архиве (ОР РНБ, около 400 писем на французском языке). Письма самого Я. Я. Штелина представляют собой своеобразную хронику Петербурга: Академия наук, Коллегия иностранных дел, императорский двор, театр и музыка, изящные искусства, и т. д. Письма сына рисуют повседневную жизнь и деятельность русского дипломата в Гааге, где он служил под начальством князя Д. А. Голицына, ученого-естествоиспытателя, почетного

¹ Основные положения статьи были представлены в докладе на международной конференции «L'Empire de Catherine la Grande, Nouvelles approches» (Paris, 27–29 mai 2019).

члена Петербургской академии наук. Эти личные письма являются одновременно научной, литературной и политической корреспонденцией, они позволяют не только получить представления об их авторах, интеллектуалах эпохи Просвещения, но и выявить тесные связи между Академией наук и Коллегией иностранных дел. Петербургские ученые сотрудничали с дипломатами, занимаясь сбором и хранением информации, переводами, публикацией текстов политического значения. Благодаря положению сына Я. Штелин располагает полезными контактами для развития своей европейской сети общения (ученые, издатели, книготорговцы, антиквары, художники, граверы и т. д.). Информация, полученная от отца, была полезна и для карьеры П. Я. Штелина. Как чиновник дипломатического ведомства он должен был участвовать в одном из важнейших направлений внешней политики русского двора — в формировании благоприятного образа Российской империи, неотъемлемой частью которого являлась тогда Петербургская академия наук.

Ключевые слова: Я. фон Штелин, П. Я. Штелин, переписка, Петербургская академия наук, Коллегия иностранных дел, князь Д. А. Голицын, Санкт-Петербург, Гаага, европейская сеть общения.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-03-00113.

Якоб фон Штелин (Stählin, 1709–1785), выходец из Германии, уроженец г. Меммингена², провел большую часть жизни в России, где он сделал блестящую карьеру и своими неустанными трудами внес огромный вклад в развитие русской науки и культуры [Малиновский, 2015; Пекарский, 1870, с. 538–567; Liechtenhan, 2002; Schippan, 2012, Stählin K., 1926]. В 1735 г., после нескольких лет занятий в университетах Халле и Лейпцига, где он изучал древние и новые языки, литературу, искусство и проявил себя в устройстве праздников при саксонском дворе, Штелин был приглашен в Россию. По вступлении в Петербургскую академию наук он стал адъюнктом красноречия и поэзии, позднее был удостоен звания профессора-академика. Его деятельность была очень разнообразна: организатор придворных празднеств и фейерверков, поэт, руководитель академических художественных подразделений, в том числе Гравировальной и Рисовальной палат, редактор немецкого варианта газеты «Санкт-Петербургские ведомости», цензор выпускаемых Академией изданий на иностранных языках, один из основателей Вольного экономического общества и т. д. Он преподавал в академической гимназии и университете, читал лекции по истории, литературе, риторике, принимал участие в создании учебной литературы. По приказу императрицы Елизаветы Петровны Штелин подготовил план обучения великого князя Петра Федоровича, был назначен его воспитателем и библиотекарем, он фактически сформировал книжное собрание наследника престола³. Им были составлены также планы обучения детей для многих семей русских

² Историческая область Швабия, земля Бавария.

³ Королев С. В. Каталог библиотеки императора Петра III. СПб.: РНБ, 2017. 512 с. Может быть, именно при посредничестве Штелина в Петербург попали сотни книг из библиотеки немецкого писателя И. Кр. Готтшеда. См.: Ball G., Korolev S. Ein Bücherfund an der Russischen

аристократов, он участвовал в подготовке проекта школьной реформы [Смагина, 2002, с. 51–52]. Многочисленные обязанности в Академии и связи при дворе позволили Штелину занять руководящие академические посты (в 1757–1763 гг. он был советником Канцелярии, в 1765–1769 гг. — конференц-секретарем) и обеспечили ему высокое положение на государственной службе. В 1762 г., при Петре III, его произвели в статские советники, в 1775 г., при Екатерине II, — в действительные статские советники (IV класс табели о рангах), таким образом, он стал обладателем (наряду с Францем Ульрихом Теодором Эпинусом) самого высокого чина среди академиков.

Вероятно, особенно велика роль Штелина как «летописца» русского искусства, живописи, музыки, театра и т. д. Многие из его сочинений хорошо известны. В то же время в опубликованных к настоящему времени штелинских записках содержится мало сведений о Петербургской академии наук — учреждении, в котором он трудился в течение пятидесяти лет. Ценным источником для изучения деятельности Академии наук и разных сторон жизни сообщества ученых является эпистолярное наследие Штелина [Kowalewicz, 2004, p. 237]. Особое место, по количеству документов и по богатству информации, занимает его переписка с сыном Петром Яковлевичем, которая хранится в Отделе рукописей РНБ (Ф. 871).

П. Я. Штелин (1744–1800) сделал дипломатическую карьеру, он служил при русских посольствах в Копенгагене, в Дрездене, затем в Гааге [Staehtlin K., 1926, S. 339–341; 345–353, 414–427]. Он известен и как переводчик, поскольку выполнил немецкий перевод «Краткого российского летописца» Михаила Васильевича Ломоносова и впоследствии издал его дважды (1765, 1771). Причем он переводил это сочинение еще до выхода русского оригинала из печати, т. е. по рукописи, и сам Ломоносов знал об этой работе, которая была отредактирована Якобом Штелиным. Петр Яковлевич принимал также участие в подготовке французского варианта сборника «Анекдотов о Петре Великом», составленного его отцом (1787). В юности он изучал изобразительное искусство, рисовал и выполнил несколько гравюр с видами Петербурга. Так же, как и отец, он занимался музыкой, учился игре на виолончели. Пребывание Петра Яковлевича за границей было полезно для Штелина. Хотя сам академик имел многочисленных корреспондентов среди ученых, артистов, художников, собирателей, книготорговцев, антикваров и др., он не раз обращался к посредничеству сына в своих европейских контактах.

Их переписка включает сотни документов (более 800), оригиналы, черновики и отпуски писем. Она охватывает почти три десятилетия с 1758 по 1785 г. (до самой смерти академика), но в основном 1770–1780-е гг. Все письма датированы, имеют порядковые номера. Большинство документов — письма самого Штелина, они представлены черновиками, которые он сохранял в сшитых тетрадах, а также оригиналами, полученными сыном. Письма Петра Яковлевича сохранились в основном в виде черновиков и отпусков. Почти все письма — на французском языке, которым оба корреспондента владели свободно, лишь несколько юношеских писем Петра Яковлевича (1758 г.) составлены на немецком. Иногда во французских текстах есть русские слова (обычно правильно употребляемые и написанные), нередко используются немецкие слова, латинские сентенции.

В настоящей статье остановимся лишь на периоде с конца 1779 по 1783 г. Петр Яковлевич в это время живет в Гааге, в качестве советника русского посольства в Соединенных провинциях, затем, выйдя в отставку, в 1783 г. он переезжает в Гамбург. Наш выбор обусловлен, прежде всего, состоянием источников: во-первых, письма академика за эти годы сохранились очень полно, как в оригиналах, так и в черновиках; во-вторых, письма Петра Яковлевича, дошедшие до нас, относятся к тем же 1779–1783 гг., за редким исключением. Взятые вместе, они (около 400 писем, не считая черновиков Я. Штелина) составляют цельный корпус документов, что позволяет воссоздать полную картину общения отца и сына.

Хотя речь идет о частной переписке, содержание писем Штелина гораздо шире: Академия наук и Коллегия иностранных дел, политические новости, литература, театр, музыка, изящные искусства, императорский двор, сама Екатерина II, которая иногда именуется шутливо «Padronanza» («Государыня»)⁴. Эти документы, ввиду разнообразия трудов Штелина, его широкого круга общения выходят за рамки обычной семейной переписки, по сути дела это хроника жизни Петербурга. Со своей стороны, Петр Яковлевич описывает повседневную жизнь в Гааге, профессиональные обязанности, дипломатический корпус и т. д. Он постоянно жалуется на неудавшуюся карьеру, но в то же время очень доволен своим начальником, русским посланником в Гааге, князем Дмитрием Алексеевичем Голицыным. Его письма показывают важность торговых отношений между Россией и Соединенными провинциями, перипетии политики «вооруженного нейтралитета», провозглашенного Россией во время борьбы американских колоний Великобритании за независимость.

Переписка была регулярной и, как правило, еженедельной. О том, сколько времени письма Штелина шли до адресата (из Петербурга в Гаагу), позволяют судить пометы Петра Яковлевича о получении: они имеются практически на каждом письме. Обычно это занимает около трех недель. Отец в России датирует письма по старому стилю (т. е. по юлианскому календарю), сын, находящийся за границей, — по новому (т. е. по григорианскому календарю), часто указывает оба стиля. Номер письма был полезен не только для контроля за сохранностью, но и для поддержания диалога: иногда отец советует перечитать то или иное старое письмо.

Академия наук, ее члены, сотрудники и руководство упоминаются в переписке довольно часто. Время рубежа 1770–1780-х гг. в жизни Академии отмечено острыми конфликтами ученых с директором Сергеем Герасимовичем Домашневым и позитивными переменами, связанными со вступлением в эту должность княгини Екатерины Романовны Дашковой.

Сам Штелин уже достиг преклонного возраста. В 1779 г. ему исполнилось 70 лет, он находится на закате своей карьеры, однако по-прежнему участвует в самых разных академических делах. Как и прежде, он трудится над оформлением придворных торжеств и праздников в домах вельмож. Его письма рассказывают об издательской деятельности, книготорговле, положении ученых и их взаимоотношениях, об академической администрации, об интересе к Академии со стороны императорского двора, высшего петербургского общества и т. д., об иностранных контактах.

Вопросы внешней политики Российской империи, сведения о деятельности Коллегии иностранных дел, присутствуют в письмах обоих корреспондентов,

⁴ *Итал. яз.* Благодарим Н. Ю. Плавинскую за консультации.

и не только потому, что один из них дипломат. Известно, что Петербургская Академия наук, состоящая в большей части из иностранных ученых, была тесно связана с Западом и с внешней политикой. Не случайно в числе ее почетных членов были европейские монархи, например, прусский король Фридрих II Великий, шведский — Густав III. Петербургские ученые были избраны во многие иностранные академии, сам Штелин был членом нескольких сообществ Республики ученых. Со своей стороны, русские дипломаты были весьма чувствительны к тому престижу, которым пользовалась Петербургская академия наук в Европе, и к роли, которую она могла играть в культуре своей страны, особенно в том, что касается издательства. Коллегия иностранных дел поддерживала тесные связи с Академией и обращалась к ученым, чтобы получить информацию политического значения, попытаться разрешить проблемы разного рода [Dulac, 2007, p. 338–344]. Многие академики участвовали в деятельности Коллегии (сбор и хранение документов, перевод, публикация). Некоторые ученые были официально причислены к дипломатическому ведомству (Х. Гольдбах, Ф.У.Т. Эпинус, Г.-Ф. Миллер, И.-Г. Штриттер, Ф.-Г. Штрубе де Пирмонт).

Академия, ее коллекции были тогда самой яркой достопримечательностью Петербурга, витриной, которую старались показать иностранцам, своего рода символом процветания Российской империи. Посетители могли видеть в одном здании Библиотеку и Кунсткамеру, объединенные в один музей, показывающий сокровища природы, искусства и словесности. Здесь рукопись знаменитого «Наказа» Екатерины II была выставлена рядом с мемориальными предметами Петра Великого и его «восковой персоной», что подтверждало преемственность в деяниях двух монархов. Петербургские академики совместно с дипломатами трудились над созданием образа империи как цивилизованной страны. Даже сам факт существования Академии свидетельствовал о распространении Просвещения в России. Штелин не раз водил по зданию Академии высоких гостей, в том числе иностранцев. Он принимал европейских монархов: императора Иосифа II (под именем графа Фалькенштейна) и т. д.⁵ В начале 1780 г. принц Фридрих Евгений Вюртембергский, отец великой княгини Марии Федоровны, посетил Академию в сопровождении великих князей. Штелин показывал им все департаменты и Кунсткамеру в течение двух часов, особенно выделив русские монеты и медали⁶. В 1781 г. он водил по Академии саксонского канцлера барона фон Фриша и посланника саксонского двора барона фон Остен-Сакена⁷.

В отличие от некоторых своих собратьев по Академии Штелин не занимал официальных постов в Коллегии иностранных дел, но всегда был связан с дипломатами. В свое время он дружил с канцлером Михаилом Илларионовичем Воронцовым. В 1770–1780-х гг., судя по письмам к сыну, он регулярно посещает дома министра Никиты Ивановича Панина, вице-канцлера Ивана Андреевича Остермана, второго человека в русской дипломатии. Он встречается с членами и служащими Коллегии: Петром Васильевичем Бакуниным (младшим), Денисом Ивановичем Фонвизинным, Максимом Максимовичем Алопеусом, братьями Крок и т. д., с русскими

⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 871. Д. 277. Л. 23 об. Июль (?) 1780. Далее указывается только номер дела, лист и дата письма.

⁶ Д. 1009. Л. 8 об. 25 января 1780.

⁷ Д. 1013. Л. 1 об. 7 августа 1781.

дипломатами: князем Владимиром Сергеевичем Долгоруким (Берлин), Яковом Ивановичем Булгаковым (Константинополь), Фридрихом Гроссом (Гамбург) и др. Он общается с иностранными посланниками, аккредитованными в Петербурге: английским — кавалером Гаррисом, шведским — бароном Нолькеном, французским — маркизом де Вераком и др., причем некоторые из них бывают в его доме. Эти знакомства позволяют ему быть в курсе политических новостей. Например, он пишет, что граф Кобенцль, посланник австрийского императора Иосифа II, сообщает ему подробности о путешествии графов Северных, «которыми я делюсь с публикой в наших газетах»⁸. Известия, полученные от сына, академик также публикует в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁹. Оба они занимаются важным внешнеполитическим делом — созданием благоприятного образа империи и пропагандой российских интересов в иностранной прессе.

Штелин неоднократно писал сыну о праздниках и зрелищах, устроенных в Могилеве в 1780 г., для встречи Екатерины II с Иосифом II, и обещал прислать копию плана путешествия императрицы в Белоруссию. Сам он представил по этому случаю проект аллегорических украшений для двух триумфальных арок. В 1781 г. он снова вспоминает об этом важном дипломатическом событии, когда на Страстной неделе, в Великий четверг, по приглашению директора придворной Капеллы Марка Федоровича Полторацкого слушал знаменитый мотет «Мизерере» Гр. Аллегри. Он поясняет, что сочинение это поют в Сикстинской капелле в Риме только раз в год, а именно, в Великий четверг: «Считается, что единственная копия этой божественной композиции была пожалована Папой венскому двору, и спустя некоторое время император ее передал Е. И. В. нашей милостивейшей государыне»¹⁰.

В феврале 1780 г., во время Масленицы, Штелин занят иллюминацией для маскарада в доме вице-канцлера графа Остермана, где ожидалась сама Padronanza, т. е. Екатерина II. Он сообщает сыну, что готовит «краткое описание этого праздника». По прошествии нескольких дней он представляет Остерману требуемую от него записку на немецком языке, которую уже перевели на русский и французский. Штелин пишет сыну: «Вам будет поручено поместить последнюю во французскую газету Гааги, Лейдена или Утрехта»¹¹. Петр Яковлевич исполнил поручение, но позднее, в апреле рассказывает о своем разочаровании: «По поводу статьи <...> в Утрехтской газете, я раздражен тем, что допущена грубая ошибка — вместо “Россия, восседающая на трофеях” они сделали — “Екатерина, восседающая на трофеях” — что глупо, надеюсь, что меня не считают способным на подобные дурости»¹². Он информирует отца о своей практике отношений с голландской франкоязычной прессой. Например, Лейденской газетой: «Когда речь идет о заявлении двора, дипломатической ноте или мемуаре, <...> указе и т. д., которые интересуют всю Европу, не платят ничего», но за описания праздников, которые касаются только окрестностей Петербурга, нужно платить»¹³.

⁸ Д. 1014. Л. 5. 15 января 1782.

⁹ Д. 1009. Л. 6. 18 января 1780.

¹⁰ Д. 1012. Л. 1–1 об. 7 апреля 1781.

¹¹ Д. 1009. Л. 18. 29 февраля 1780.

¹² Д. 987. Л. 12 об. 10/21 апреля 1780.

¹³ Д. 987. Л. 12 об. 10/21 апреля 1780.

С помощью сына Штелин занимается распространением академических изданий, он посылает в Гаагу календари, которые в свое время начали выпускать именно по его замыслу, книгу Бакмейстера об академических коллекциях [*Bacmeister, 1776*], «чтобы иметь возможность рассказать о них в Голландии, тем, кто интересуется»¹⁴. Он советует распространять географические карты России, изданные в Петербурге, чтобы дать «верное представление о положении этих земель»¹⁵.

Неудавшаяся служебная карьера Петра Яковлевича — тема, чаще всего обсуждающаяся в этой переписке. Сын постоянно жалуется на отсутствие повышения по службе, отец рассказывает о шагах, которые он предпринял, чтобы добиться продвижения, например о встречах с графом Александром Андреевичем Безбородко, секретарем императрицы и членом Коллегии иностранных дел, с обер-штальмейстером Львом Александровичем Нарышкиным и т. д., о своих попытках добиться внимания всемогущего князя Григория Александровича Потемкина. Штелин пытается успокоить сына: «Оставайтесь философом, в добром настроении и сохраняйте Ваше здоровье»¹⁶. Он делится своим жизненным правилом оптимиста: хорошее настроение сохраняет аппетит, нужно работать, развлекаться, лучше смеяться, чем плакать. Свои слова он подтверждает немецкой цитатой из Евангелия: «Иди, и ты поступай так же»¹⁷. Вместе с тем он полностью разделяет намерение сына остаться за границей, а не возвращаться в Россию, где нужно было бы каждый день ходить в Коллегию, испытывать «придирки, интриги, коварство, унижения и оскорбления»¹⁸.

Штелин хорошо представляет образ жизни сына в Гааге. Петр Яковлевич рассказывает о своих служебных обязанностях, состоянии здоровья, досуге (занятиях переводами, музыкой, рисунком и т. д.), своих знакомствах. Два раза в неделю (по дням отправки почты) он занимается вместе со своим начальником, князем Голицыным, подготовкой депеш ко двору. Почти всегда он обедает у Голицына, в других случаях идет в город, в спокойные места, где бывают старые генералы, полковники, капитаны, адвокаты и т. д. Чтобы читать газеты, и особенно английские, он отправляется во «Французское, или Военное кафе». Каждый понедельник по вечерам он занят тем, что пишет письма родителям. Из развлечений в Гааге он упоминает спектакли французской труппы четыре раза в неделю, а зимой концерты. Иногда он посещает кабинет живописи принцев Оранских и Кабинет естественной истории в Гааге или картинную галерею в Амстердаме¹⁹. У него мало знакомых в голландском обществе, в основном это иностранцы, особенно секретари посольств. Он бывает в домах некоторых посланников, например англичанина кавалера Йорка, который однажды сказал ему о культурной политике Екатерины II: «Ваша государыня не удовлетворяется тем, что покупает наши самые прекрасные собрания искусстваа, она отбирает у нас наших лучших мастеров»²⁰.

Петр Яковлевич нередко помогал отцу в академических делах: например, переслал в Париж пенсию знаменитому врачу, почетному члену Академии Рибейро

¹⁴ Д. 1014. Л. 18 об. 26 февраля 1782.

¹⁵ Д. 1016. Л. 31. 30 декабря 1783.

¹⁶ Д. 1011 Л. 4. 20 января 1781.

¹⁷ Д. 1011 Л. 23. 24 марта 1781. Евангелие от Луки, 10:37.

¹⁸ Д. 1014. Л. 20 об. 5 марта 1782.

¹⁹ Д. 987 Л. 43 об. 8/19 сентября 1780; Д. 988 Л. 39—41 об. 2 октября 1781.

²⁰ Д. 987. Л. 9 об. 3 марта 1780.

Саншесу²¹. Они регулярно обмениваются политическими, научными, литературными новостями, книгами. Из Гааги сын посылает картины, эстампы, семена и луковицы цветов, овощей и фруктов и т. д. Из Петербурга он получает табак, чай, икру, вологодские свечи и т. д. Иногда трудно различить, что входит в обязанности советника посольства, а что является его личным делом.

Оживленный диалог происходит в связи с покупкой голландских цветов для петербургских дам. И в этом, и в других случаях, академик, с присущей ему ловкостью придворного, напоминает о сыне высокопоставленным персонам, пользуясь его письмами. В 1780 г. он рассказывает о своих встречах с голландским резидентом Йоханом Исааком де Свартом, который имел в Петербурге прекрасный сад и каждую неделю посылал дюжину гиацинтов великой княгине Марии Федоровне. Осматривая сад и сожалея, что не существует еще цветов, которые были бы названы в честь императрицы, Штелин шутя советует Сварту привязать к букетам этикетки с надписями «Великая Екатерина» и «Прекрасная великая княгиня». Резидент же воспринимает его совет как насмешку и не соглашается на предложение²². Несколько дней спустя Штелин получает письмо от сына с рассказом о посещении рынка цветов в Гарлеме в компании графини Аполлонии Головкиной. Петр Яковлевич сообщает, что появился новый сорт гиацинтов под названием «Екатерина торжествующая», и добавляет: «Сварт должен заказать их»²³. С этим письмом Штелин идет в дом графа Остермана, на обед в обществе голландского резидента, и снова возвращается к своей излюбленной теме: «...я прочитал Ваше прекрасное описание цветов в Гарлеме и прекраснейших гиацинтов, увенчанных именем — Екатерина торжествующая». Вице-канцлер был очарован этим описанием, но Сварт «не выразил желания купить луковицы этого сорта, говоря, что они того не стоят»²⁴. Сын отвечает: «Жаль, что Сварт не хочет заказать “Екатерину Торжествующую”: он получил бы их недорого»²⁵.

Постоянной обязанностью русских дипломатов была поддержка знатных соотечественников, путешествующих по Европе. Петр Яковлевич занимается приемом графа и графини Северных, князя Григория Григорьевича Орлова. Он заботится о молодых аристократах, которые совершали «Гран Тур» по Европе и учились в Лейдене, — князе Алексее (Яковлевиче?) Шаховском, трех братьях князьях Голицыных²⁶, графе Григории Кирилловиче Разумовском и т. д. [Андреев, 2005, с. 379].

Путешествие молодого графа Александра Львовича Нарышкина, сына обершталмейстера, стало предметом особой переписки. В сентябре 1781 г. академик рассказывает о своем разговоре с Л. А. Нарышкиным, который был в гневе, узнав о намерении сына отправиться в Голландию, страну, где, по его словам, «можно увидеть лишь едоков сыра». Штелин без колебаний возражает Нарышкину: «...было бы позорной и непростительной ошибкой» если бы его сын не захотел бы увидеть «столицу европейской торговли (т. е. Амстердам) и Гаагу»²⁷. Петр Яковлевич отвечал отцу:

²¹ Д. 1011. Л. 25 об. 31 марта 1781.

²² Д. 1010. Л. 10. 20/31 мая 1780.

²³ Д. 987. Л. 18. 9 мая / 28 апреля 1780.

²⁴ Д. 1010. Л. 12. 27 мая 1780.

²⁵ Д. 987. Л. 28. 16/27 июня 1780.

²⁶ Михаил, Борис, Алексей Голицыны, сыновья князя Андрея Михайлович Голицына.

²⁷ Д. 1013. Л. 13–13 об. 18 сентября 1781.

«Подобное варварство было бы простительно в России XVII века, но не в наши просвещенные времена <...>. Если бы Лев Александрович оказался здесь сам, он сменил бы тон, так как нашел бы у торговцев сыром предметы, которые бы его поразили и которые он бы напрасно искал в России»²⁸.

Дипломатический пост в Гааге, который всегда был важен как по большой роли Республики в международной торговле, так и по своей близости к Парижу, центру европейской культуры того времени, имел тогда особое значение. На рубеже 1770—1780-х гг. борьба американских колоний за независимость привела к войне между Великобританией и Соединенными провинциями. Блокада англичанами основных торговых путей наносила большой урон русской торговле, нуждавшейся в свободной навигации. В феврале (марте по новому стилю) 1780 г. Россия провозгласила доктрину «вооруженного нейтралитета», которая позволяла поддерживать торговлю государств, не участвующих в конфликте [*Цверева*, 1985, с. 43—47]. Известно, что торговые связи между Россией и Соединенными провинциями существовали издавна и были довольно прочными. Сам Петр Яковлевич свидетельствовал: в Амстердаме «есть все товары из России по лучшей цене»²⁹. Академия наук имела особую заинтересованность в этой торговле. Она получала из Соединенных провинций (или через голландские порты) книги, бумагу, оборудование для типографии, редкости для кабинетов естественной истории и т. д. В январе-феврале 1781 г. Петр Яковлевич описывает обстоятельства присоединения Республики к доктрине «вооруженного нейтралитета». Он настроен очень критически, пишет о медлительности и нерешительности властей Соединенных провинций, лености и жадности амстердамских купцов. Регулярно сообщая новости о состоянии торгового флота и действий английской эскадры, в сентябре 1781 г. он констатирует: «Нельзя больше ничего послать из Амстердама в Россию, конвой, предназначенный для Балтийского моря в этом году больше не отправится в плавание <...> тем более после того, как стало известно, что соединенный испанский и французский флот вернулся в свои порты»³⁰.

В переписке часто называется имя князя Д. А. Голицына. Опытный дипломат, ученый-естествоиспытатель, друг французских философов-просветителей, он был известен своим активным участием в деле приобретения предметов искусства для Екатерины II. Князь являлся не только начальником Петра Яковлевича, но как почетный член Петербургской академии наук был коллегой Штелина-отца [*Цверева*, 1985; *Сомов*, 2000, с. 170—193; *Dulac, Evdokimova*, 1990, p. 367—400]. Оба корреспондента единодушно воздают хвалу Голицыну. Отец называет его «честнейшим человеком»³¹, а письма сына представляют собой панегирик «достойному и любезному министру», его «мягкому, ласковому, благостному» нраву, его «благородному образу мыслей», его «спокойствию духа» и т. д.³²

Штелин поощряет научные изыскания Голицына: он посылает ему географические карты, например генеральную карту Российской империи, кусок железной

²⁸ Д. 988. Л. 43 об. 12/23 ноября 1781.

²⁹ Д. 987. Л. 58. 8/19 декабря 1780.

³⁰ Д. 988. Л. 38 об. 14/25 сентября 1781.

³¹ Д. 1009. Л. 15. 22 февраля 1780 г.; Д. 1014. Л. 7. 22 января 1782.

³² Д. 987. Л. 3. 14/25 января; Л. 6. 28 января/8 февраля; Л. 41. 18/29 августа; Л. 49. 31 октября 1780.

руды из Сибири (видимо, метеорита, найденного под Красноярском); поддерживает князя в его научном споре с другим петербургским академиком Петром Симоном Палласом; признает, вопреки претензиям Домашнева, первенство Голицына в опытах с деревянным несгораемым домом по методу Чарльза Магона³³. В 1782 г., когда Голицын был отозван с поста посланника, но остался жить в Голландии, между ним и Петром Яковлевичем сохранялись дружеские отношения. «Ваш большой друг», — пишет Штелин³⁴. Сам Петр Яковлевич переводит для князя английские издания, помогает составлять описи и каталоги его научных собраний³⁵.

Осмелимся предположить, что во многих рассуждениях советника посольства можно увидеть влияние независимости в суждениях, присущей его начальнику. Петр Яковлевич ценит свое пребывание за границей, где можно быть «почти независимым», где «и речи нет о всей этой благоговейной услужливости <...> азиатского деспотизма»³⁶. Так же, как и Голицын, он ценит свободу и отвергает необходимость проявлять «рабскую и низкую услужливость в жалкой передней среди толпящейся клиентелы»³⁷. Хотя Голицын поддерживает его просьбы о повышении по службе, Петр Яковлевич сознает, что князь не пользуется достаточным доверием в России, так как не имеет способностей «льстеца, шарлатана, подлеца, но просто является человеком совершенно честным и порядочным»³⁸. Штелину также известно, что Екатерина имеет «предубеждения» против Голицына³⁹.

В доме своего начальника Петр Яковлевич встречает многих знаменитостей, например, скульптора Этьена-Мориса Фальконе, его невестку Мари Анн Колло. Он знакомится с другом Голицына, Петрусом Кампером, выдающимся врачом-анатомом, депутатом Генеральных Штатов Соединенных провинций, почетным членом Петербургской академии наук [*Цверева*, 1985, с. 121, 122]. Благодаря сыну академик получает от Кампера книги; в свою очередь, узнав через Палласа, что Кампер хотел иметь в своем Кабинете естественной истории предметы из северных стран, разыскивает для него в Литве и Курляндии череп и рога лося⁴⁰.

В переписке неоднократно обсуждается намерение Петра Яковлевича перевести на французский язык один из трудов Кампера. Выйдя в отставку, на пути в Гамбург, он посетил дом ученого, где увидел рукопись его трактата о воспитании⁴¹ и высоко оценил его, в противовес «мечтаньям» Руссо, «как результат опыта философа, врача и великого анатома». Он намеревался посвятить свой перевод «какому-нибудь про-

³³ Д. 1009. Л. 7. 25 января; Л. 11 об. 8 февраля; Л. 22 об. 18 марта 1780; Л. 26–26 об. 1 апреля 1780; Д. 1014. Л. 18–18 об. 26 февраля 1782.

³⁴ Д. 1015. Л. 29. 5 апреля 1783.

³⁵ Д. 1015. Л. 27. 29 марта 1783.

³⁶ Д. 987. Л. 27. 9/20 июня 1780.

³⁷ Д. 987. Л. 55. 1/12 декабря 1780.

³⁸ Д. 987. Л. 20. 12/23 мая 1780.

³⁹ Д. 1012. Л. 29. 30 июня 1781.

⁴⁰ Д. 1015. Л. 29 об.; Д. 1016. Л. 2. 19 августа 1783.

⁴¹ Вероятно, речь идет о трактате, который был позднее опубликован во французском издании сочинений Кампера под названием «De l'éducation physique des enfants». См.: *Oeuvres de Pierre Camper, qui ont pour objet l'histoire naturelle, la physiologie et l'anatomie comparée*. Paris, chez N. J. Jansen, an XI-1803. Т. 3. Р. 217–296. Однако это перевод вряд ли принадлежал П. Я. Штелину.

свещенному вельможе или какой-нибудь очень значительной особе»⁴². Отец полностью одобряет его намерение и пишет об этом неоднократно⁴³. В ноябре 1783 г., рассказывая о создании Комиссии по учреждению народных училищ [*Smagina*, 2001, S. 479–503], восхваляя Екатерину и ее материнскую заботу о воспитании юношества, он считает момент удачным для издания книги Кампера в переводе на французский язык и сообщает о составе Комиссии: это сенатор Петр Васильевич Завадовский, действительные статские советники Франц Эпинус и Петр Иванович Пастухов, кабинет-секретарь Екатерины II. Таким образом, он, видимо, намекает на адресата посвящения, и не исключено, что на саму императрицу⁴⁴.

Здесь же Штелин рассказывает об инциденте, связанном с одним из основных документов школьной реформы — запиской академика Эпинуса, составленной по указанию Екатерины II. Эта записка была получена и опубликована Августом Людвигом Шлецером, без ведома самого Эпинуса, в журнале «Stats-Anzeigen», издававшемся в Геттингене [*Schlözer*, 1783, S. 257–273]. Свою публикацию Шлецер снабдил рассуждениями об истории и состоянии образования в России, критически отзываясь о делах предшественников императрицы на этом поприще, в том числе о Петре Великом [*Смагина*, 2002, с. 90–95]. По его мнению, лишь Екатерина II избрала путь, который обещает достичь успеха. Штелин пишет сыну о недовольстве Эпинуса, который до сих пор не получил объяснений Шлецера, и о том, что в Петербурге все удивлены столь дерзкими суждениями о России⁴⁵. Само издание записки, предназначенной только для императрицы, могло вызвать недоумение, тем более что сам Эпинус возглавлял шифровальную службу Коллегии иностранных дел [*Новик*, 1999, с. 4–35].

Основные академические новости этих лет касаются конфликта с директором С. Г. Домашневым, его отставки и назначения на эту должность княгини Е. Р. Дашковой [*Смагина*, 2018, с. 1–22].

Авторитарный стиль руководства Домашнева, возглавлявшего Академию наук с 1775 г., всегда вызывал резкие протесты ученых. Штелин был возмущен тем, что директор фактически овладел департаментом художеств, который прежде находился в ведении самого академика⁴⁶. Посылая в Гаагу генеральную карту Российской империи, он сообщает, что в России ее критикуют, так как Домашнев слишком торопился ее издать⁴⁷. В январе 1783 г. Штелин пишет, что из-за самодовольства и депотизма Домашнева задерживается выход календаря, что директор не допускает к этому делу академиков, что гравюры «взяты или украдены» из другого (парижского) издания⁴⁸. Публикацию календарей или мясцесловов он рассматривал как свое детище и резко осуждал вмешательство директора в эту работу⁴⁹. Штелин не единожды именует Домашнева авантюристом и узурпатором и с удовлетворением сообщает, что сатира на него в «тысячах копий» распространяется по городу⁵⁰. Наконец,

⁴² Д. 990. Л. 45 об. 3 октября / 23 сентября 1783.

⁴³ Д. 1016. Л. 16. 11 октября 1783; Д. 1016. Л. 23–23 об. 11 ноября 1783.

⁴⁴ Д. 1016. Л. 26. 18 ноября 1783.

⁴⁵ Д. 1016. Л. 26. 18 ноября 1783.

⁴⁶ Д. 1010. Л. 10 об. 20/31 мая 1779.

⁴⁷ Д. 1009. Л. 11 об. 8 февраля 1780.

⁴⁸ Д. 1015. Л. 2. 4 января 1783.

⁴⁹ Д. 1009. Л. 17 об. 29 февраля 1780; Д. 1009 Л. 26–26 об. 1 апреля 1780.

⁵⁰ Д. 1012. Л. 25 об. 23 июня 1781.

в январе 1783 г. он пишет, что «бешеный академический деспот Домашнев устроил беспорядок почти во всех департаментах» и «его безрассудные и корыстолюбивые нападки» привели к тому, что по указу императрицы создана Сенатская комиссия по расследованию дел в Академии наук⁵¹.

Указ Екатерины о назначении нового директора был издан 24 января 1783 г., и Дашкова торжественно вступила в должность 30 января. Уже 1 февраля Штелин сообщает радостную новость: «тиран» Домашнев отправлен в отставку, а княгиня «своей любезностью сразу завоевала сердца всех академиков». Подробности события он не стал излагать, они содержались в печатном извещении, которое он и посылает сыну⁵².

8 февраля, в дополнение к этой новости, Штелин пишет о втором именном указе Екатерины, данном генерал-прокурору Сената, — строго рассмотреть «чрезмерные расходы» Домашнева и устроенные им беспорядки. Он рассказывает об учреждении «своего рода канцелярии» для руководства хозяйственной деятельностью академии, о том, что Дашкова выбрала себе двух помощников — Василия Андриановича (Андреевича) Ушакова, в прошлом служившего в Коллегии иностранных дел, и Осипа Петровича Козодавлева, который уже представился Штелину в новом качестве. Таким образом, академики будут свободны от хозяйственных хлопот, а сам Штелин снова займется департаментом художеств⁵³. Теперь в Академии ожидали визита «la Padronanza», т. е. самой императрицы, который, однако, не состоялся⁵⁴. В марте 1783 г. Штелин сообщает, что Дашкова с рвением занимается реформированием Академии и советуется с учеными, она встречается с ними каждую неделю за обедом⁵⁵.

Нужно сказать, что и отец, и сын были давно и хорошо знакомы с Дашковой. Штелин встречал ее благодаря своей близости ко двору, дружбе с канцлером М. И. Воронцовым, ее дядей, в доме которого она росла. Петр Яковлевич был почти ее ровесником (он родился в 1744, Дашкова в 1743 г.). Когда в 1769 г. княгиня отправилась в свое первое европейское путешествие, Петр Яковлевич был ее спутником по дороге от Петербурга до Берлина. В своих мемуарах Дашкова упоминает его всего один раз, но по весьма значительному поводу. Во время остановки в Данциге, в гостинице, они сообща, тайком, перекрасили на картинах изображающих сражения времен Семилетней войны, мундиры русских и прусских войск, так что пруссаки превратились из победителей в побежденных [Дашкова, 1881, с. 128–129]. В мемуарах, спустя много лет после описываемых событий, Дашкова неверно указывает должность соучастника своего дерзкого поступка, она пишет, что Петр Яковлевич был причислен к русской миссии в Берлине [там же]. На самом деле он служил тогда не в Берлине, а в Дрездене, в русской миссии при Саксонском дворе.

Другим свидетельством их знакомства являются два письма Дашковой к Петру Яковлевичу, которые сохранились в семейном архиве Штелинов (1770–1771 гг.)⁵⁶. Судя по вышеназванному «данцигскому» отрывку из мемуаров княгини, как

⁵¹ Д. 1015. Л. 3. 11 января 1783.

⁵² Д. 1015. Л. 9–9 об. 1 февраля 1783

⁵³ Д. 1015. Л. 11–11 об. 8 февраля 1783.

⁵⁴ Д. 1015. Л. 13 об. 15 февраля 1783.

⁵⁵ Д. 1015. Л. 20. 8 марта 1783.

⁵⁶ Д. 999.

и по шутивому тону этих писем, можно заметить, что, несмотря на разницу в социальном положении, отношения между ними были вполне дружескими и доверительными.

Петр Яковлевич снова увиделся с Дашковой в Гааге в 1780 г., он организовывал ее пребывание в Соединенных провинциях, сопровождал ее в Лейден, где стал свидетелем ее важной встречи с князем Г. Г. Орловым, подробно описанной самой княгиней в мемуарах⁵⁷ [там же]. Получив известие о назначении Дашковой на пост директора Академии наук, он просит отца передать ей свои поздравления, напоминает о совместном путешествии в Берлин и шутивом прозвище, которое она ему дала, — «распорядитель путешествий» («*maréchal de voyage*», «*Reisemarschall*»). Он небескорыстен и связывает с новым директором продвижение в своей карьере: зная о привязанности Дашковой к Шотландии, просит о назначении на пост русского консула в Эдинбург, так как брат княгини, граф Александр Романович Воронцов, в это время возглавлял Коммерц-коллегию⁵⁸. Отец вполне разделяет его надежды и с присущей ему ловкостью пытается обратить внимание княгини на карьеру сына. Прежде всего, он намеревается показать ей письмо с поздравлениями и ждет удобного случая⁵⁹. Он смог осуществить свое намерение не сразу, а лишь на академическом обеде, специально придя раньше других гостей. Но здесь его ждет разочарование: в Эдинбурге, по словам Дашковой, не будет русского консула⁶⁰.

Дела в Академии при новом директоре идут наилучшим образом, как пишет Штелин 15 февраля 1783 г.⁶¹ Княгиня устраняет злоупотребления Домашнева: например, отменяет заказы Ольдекопу, «агенту» Коллегии иностранных дел в Амстердаме, невыгодные для Академии наук⁶². 22 марта Штелин сообщает, что бывшему комиссионеру выплатят необходимое, но Домашнев обязан будет частично возместить эти расходы. Впредь Ольдекоп не получит заказов, Дашкова уже связалась с Аркадием Ивановичем Морковым, посланником в Соединенных провинциях, т. е. новым начальником Петра Яковлевича, чтобы получить сведения об основных бумажных фабриках в Голландии⁶³.

Сам Штелин чрезвычайно доволен новым руководством. Он снова может самостоятельно решать вопросы о закупках бумаги, краски для производства эстампов и, как прежде, обращается в амстердамскую фирму Вернеде, а не к Ольдекопу. Отставной директор Домашнев, по его словам, спрятался в доме графа Александра Сергеевича Строганова и не появляется ни в обществе, ни при дворе⁶⁴.

Примечательно, что в этих письмах, полных чувства радости и победы, Штелин не рассказывает о случае, несомненно обидном для него и происшедшем во время инаугурации нового директора Академии наук. Так, Дашкова в своих записках

⁵⁷ Д. 987. Л. 49 об. 7 ноября 1780.

⁵⁸ Д. 990. Л. 12–12 об. 4 марта / 21 февраля 1783.

⁵⁹ Д. 1015 Л. 24. 22 марта 1783 г.

⁶⁰ Д. 1015. Л. 27–27 об. 29 марта 1783.

⁶¹ Д. 1015. Л. 13 об.

⁶² Д. 1015. Л. 20. 8 марта 1783.

⁶³ Д. 1015. Л. 24 об. 22 марта 1783.

⁶⁴ Д. 1016. Л. 28. 29 ноября 1783. В 1775 г. Штелин обсуждает в переписке с Саншесом, согласен ли граф А. С. Строганов, который в это время был в Париже, по возвращении в Россию занять место директора Академии наук, освободившееся после ухода с этого поста графа В. Г. Орлова (Д. 664. Л. 35 об., 37 об. Письма Саншеса Штелину от 24 апреля и 20 июля 1775 г.).

пренебрежительно отзывается о заслугах «профессора аллегории» и вспоминает, что осудила в этот день намерение Штелина занять место рядом с собой, на которое ему давал право высокий чин — действительного статского советника, т. е. осудила попытку «играть главную роль». Это место она уготовила «великому Эйлеру» [Дашкова, 1881, с. 255–257]. Не исключено, что скептическое отношение Дашковой к Штелину определялось и его прошлой близостью к Петру III.

1783 г., отмеченный благодатными переменами в руководстве Академии наук, одновременно принес и большие потери. Осенью один за другим скончались ученые, которые стояли у истоков процветания Академии: Рибейро Саншес, Герард Фридрих Миллер, Леонард Эйлер. Саншес, давно живший в Париже, был корреспондентом Штелина «в течение почти 40 лет»⁶⁵. В октябре Штелин кратко говорит об академике Герарде Фридрихе Миллере, который жил и скончался в Москве⁶⁶. Гораздо подробнее он пишет о внезапной смерти Леонарда Эйлера, случившейся в сентябре в Петербурге, и пересказывает обстоятельства этого печального события со слов очевидцев: «Позавчера наш достопочтенный старец, великий геометр Эйлер принимал у себя за обедом Господина профессора Лекселя и оживленно беседовал с этим знаменитым математиком и астрономом о новой комете. После обеда, по своему обыкновению, он закурил трубку, которая выпала у него из рук, и он сам упал вслед за ней (сраженный апоплексическим ударом), сказав только “Ах! Умираю, умираю!” и около полуночи он умер, ему было 76 с половиной лет»⁶⁷. В октябре Штелин рассказывает о посвященном памяти Эйлера заседании Академии, состоявшемся на третий день после его смерти. Здесь по просьбе своих коллег он произнес речь, предварив, таким образом, похвальное слово, порученное профессору Николаусу Фуссу. Академия решила увековечить память великого математика, установив в зале заседаний мраморный бюст и т. д.⁶⁸ В марте того же 1783 г. Н. И. Панин, глава Коллегии иностранных дел, «внезапно умер от апоплексического удара». Штелин посылает подробное описание похорон Фридриху Гроссу, русскому посланнику в Гамбурге, а в письме Петру Яковлевичу в Гаагу ограничивается лишь кратким замечанием: «Никогда я не присутствовал на погребальной процессии столь многочисленной и столь печальной <...>. Господин Великий князь, сопровождаемый принцем Вюртембергским, также был там, и я видел, как он горько плакал»⁶⁹. Именно от Гросса Петр Яковлевич узнает о смерти графа Панина и, огорченный этим известием, пишет отцу: «Дай Бог, чтобы у нас в России оставались некоторые господа, исполненные, как и он, чувства человечности; тогда бы имелось больше благожелательности и меньше несправедливости»⁷⁰.

Летом 1783 г. Петр Яковлевич, ранее ушедший в отставку, покидает Гаагу и обосновывается в Гамбурге, чтобы позднее вернуться в Россию.

Семейная переписка Якоба фон Штелина, столь значительная по объему и многогранная по содержанию, является ценным источником и редким для этого периода примером хорошо сохранившегося эпистолярного наследия. Эта, прежде всего,

⁶⁵ Д. 1016. Л. 23 об. 11 ноября 1783.

⁶⁶ Д. 1016. Л. 18 об. 21 октября 1783.

⁶⁷ Д. 1016. Л. 9. 9 сентября 1783.

⁶⁸ Д. 1016. Л. 20. 21 октября 1783.

⁶⁹ Д. 1015. Л. 29 об. 5 апреля 1783.

⁷⁰ Д. 990. Л. 23 об. 6 мая / 25 апреля 1783.

частная и одновременно политическая и литературная корреспонденция позволяет получить представление о личности ее авторов, двух интеллектуалов эпохи Просвещения, выявить тесные связи между Академией наук и Коллегией иностранных дел, говорить о причастности ученых к формированию внешней политики Российской империи. Наставления, которые академик дает своему уже взрослому сыну, свидетельствуют о его жизнестойкости, оптимизме, умении приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам и к разным людям — качествах, обусловивших успех немецкого ученого в России, при дворе и в высшем обществе. Письма самого Штелина представляют собой своеобразную хронику Петербурга, письма Петра Яковлевича рисуют повседневную жизнь и деятельность русского дипломата в Гааге. Благодаря положению сына академик располагает полезными контактами для развития своей европейской сети общения. Информация, полученная от отца, была полезна и для карьеры Петра Штелина. Как дипломатический чиновник он трудился на одном из важнейших направлений внешней политики русского двора — формировании благоприятного образа Российской империи, неотъемлемой частью которого являлась Петербургская академия наук.

Источники

Дашкова Е. Р. Mémoires de la princesse Dashkaw d'après le manuscrit revu et corrigé par l'auteur // Архив князя Воронцова. Кн. 21. М.: В Университетской тип. (М. Катков), 1881. С. 1–365.

Малиновский К. В. Материалы Якоба Штелина: в 3 т. СПб.: Крига, 2015. Т. 1. 528 с., Т. 2. 344 с., Т. 3. 416 с.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 871 (Штелин). Д. 274, 664, 987, 988, 990, 999, 1009–1016

Vaesteister J. V. Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosité et histoire naturelle de l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg. (СПб.): de l'imprimerie privilégiée de Weitbrecht et Schnoor, 1776. 254 с.

Camper P. De l'éducation physique des enfants // Oeuvres de Pierre Camper, qui ont pour objet l'histoire naturelle, la physiologie et l'anatomie comparée. Paris: H. J. Jansen, 1803. Т. 3. P. 217–296

[*Schlözer A. L.*] Schulen in Russland // Stats-Anzeigen / ges. ... von August Ludwig Schlözer. Göttingen: Vandenhoeck, 1783. Bd. 3. Hf. 11. S. 257–273.

Литература

Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с.

Новик В. К. Академик Франц Эпинус (1724–1802) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 4. С. 4–35.

Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.: Тип. ИАН, 1870. 775 с.

Смагина Г. И. Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII в.). СПб.: Наука, 2002. 165 с.

Смагина Г. И. «Первейшей своей обязанностью ставлю славу и процветание академии»: к 275-летию директора Академии наук княгини Е. Р. Дашковой // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 2. С. 1–22.

Сомов В. А. Брауншвейгская библиотека князя Дмитрия Алексеевича Голицына // История библиотек: Исследования, материалы, документы. Вып. 3. СПб.: РНБ, 2000. С. 170–193.

Цверева Г. К. Дмитрий Алексеевич Голицын. Л.: Наука, 1985. 185 с.

Ball G., Korolev S. Ein Bücherfund an der Russischen Nationalbibliothek: Die bibliothecae Gottschedianae und St. Petersburg // Wolfenbütteler Barock-Nachrichten. 2015. H. 1/2. S. 127–150.

Dulac G. Rendre l'Académie impériale des sciences plus utile au public: le comte Alexandre Romanovitch Vorontsov à Jacob von Stählin (16 décembre 1767) // Les Archives de l'Est et la France des Lumières: Guide des archives et inédits / Sous la direction de G. Dulac et S. Karp. Ferney-Voltaire: CIEDS, 2007. P. 338–344.

Dulac G., Evdokimova L. Politique et littérature: La correspondance de Dmitri A. Golitsyn (1760–1784) // Dix-huitième siècle. 1990. № 22. P. 367–400.

Kowalewicz M. Quelques aspects des réseaux de langue allemande autour de l'Académie des sciences de Pétersbourg // La Culture française et les archives russes: Une image de l'Europe au XVIIIe siècle / études réunies par Georges Dulac. Ferney-Voltaire: CIEDS, 2004. P. 221–263.

Liechtenhan Fr.-D. Jacob von Stählin, académicien et courtisan // Cahiers du monde russe. 2002. Vol. 43. № 2–3. Avril–septembre. P. 321–332.

Schippan M. Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012 (Wolfenbütteler Forschungen. Bd. 131). 493 S.

Smagina G. I. Die Schulreform Katharinas II.: Idee und Realisierung // Katharina II, Rußland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung / Hg. Claus Scharff. (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte. Beiheft 45). Mainz: Philipp von Zabern, 2001. S. 479–503.

Stählin K. Aus den Papieren Jacob von Stählins — ein biographischer Beitrag zur deutsch-russischer Kulturgeschichte des 18. Jahrhunderts. Königsberg; Berlin: Ost-Europa-Verlag, 1926. 457 S.

For the 310th anniversary of Academician Jacob von Staehlin

St. Petersburg Academy of Sciences and the College of Foreign Affairs in Jacob von Staehlin's Family Correspondence

GALINA I. SMAGINA

St Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, RAS,
St Petersburg, Russia;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

VLADIMIR A. SOMOV

The Rimsky-Korsakov St Petersburg State Conservatory,
St Petersburg, Russia;
e-mail: vladimiralsomov@gmail.com

Jacob (Yakov Yakovlevich) von Staehlin (1709–1785), thanks to his talents, various activities and contacts at the imperial court, was one of the most influential members of the St. Petersburg Academy of Sciences. His correspondence with his son, Petr (Pyotr) Yakovlevich Staehlin (1744–1800), who was a member of the Russian diplomatic service, was preserved in the family archive (Russian National Library, Manuscript Department: about 400 letters in French). The letters of Jacob von Staehlin himself represent a peculiar chronicle of St. Petersburg: the Academy of Sciences, the College of Foreign Affairs, the imperial court, theatre and music, fine arts, etc. His son's letters reflect his daily life and activities of the Russian diplomat in The Hague. Prince D. A. Golitsyn, a naturalist, an honorary member of the St. Petersburg Academy of Sciences, was his chief. These personal letters are at the same time scientific, literary and political correspondence, they allow not only to get an idea of their authors, intellectuals of

the Enlightenment, but also to identify close ties between the Academy of Sciences and the College of Foreign Affairs. It is known that the Academy of Sciences, consisting largely of foreigners, was closely associated with the West. Scientists from St. Petersburg were elected to many European Academies. Staehlin himself was a member of several foreign scientific communities. Members and employees of the Academy cooperated with diplomats, collected and stored information, and also did translations as well. Some scientists were even officially ranked as diplomatic personnel. In the late 1770s — early 1780s, Staehlin regularly visited Minister Nikita I. Panin and Vice-Chancellor Ivan A. Ostermann. He met Russian envoys at foreign courts and foreign diplomats accredited in St. Petersburg. These contacts allowed him to keep informed of political news. Due to his son's position, Staehlin had links, which were useful for the development of his European communication network (scientists, publishers and booksellers, antique dealers, artists, engravers, etc.). The information received from his father was also useful for Petr (Pyotr) Yakovlevich's career. As a diplomatic official, he was supposed to participate in one of the most important areas of foreign policy of the Russian court, i. e. forming a favourable image of the Russian empire, of which the St. Petersburg Academy of Sciences was an integral part.

Keywords: Jacob von Stählin, Petr (Pyotr) Yakovlevich Staehlin, correspondence, Saint Petersburg Academy of Sciences, College of Foreign Affairs, Prince Dmitry A. Golitsyn, Saint Petersburg, The Hague, European communication network.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research grant No. 17–03–00113.

References

Bacmeister, J.V. (1776). *Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosité et histoire naturelle de l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg*, (СПб.): de l'imprimerie privilégiée de Weitbrecht et Schnoor.

Camper, P. (1803). "De l'éducation physique des enfants", in: *Oeuvres de Pierre Camper, qui ont pour objet l'histoire naturelle, la physiologie et l'anatomie comparée*, Paris: H. J. Jansen, t. 3, p. 217–296.

Dashkova, E.R. (1881). "Mémoires de la princesse Dashkav d'après le manuscrit revu et corrigé par l'auteur", in: *Arkhiv knyazya Vorontsova, Kn. 21* [Archives of Prince Vorontsov, Book 21], Moskva: V Universitetskoy tip. (M. Katkov), pp. 1–365.

Malinovskiy, K.V. (2015). *Materialy Ya. Shtelina* [Notes by J. Staehlin], S.-Peterburg: Kriga, vol. 1–3 (in Russian).

[Schlözer, A.L.] (1783). "Schulen in Russland", in: *Stats-Anzeigen*, Göttingen: Vandenhoeck, Bd. 3, Hf. 11, S. 257–273.

NLR Manuscript Department, f. 871 (Stählin), d. 274, 664, 987, 988, 990, 999, 1009–1016 (in French).

Andreyev, A. Yu. (2005). *Russkiye studenty v nemetskikh universitetakh XVIII — pervoy poloviny XIX veka* [Russian Students in German Universities at the 18th — First Half of the 19th Century], Moskva: Znak (in Russian).

Ball, G., Korolev, S. (2015). Ein Bücherfund an der Russischen Nationalbibliothek: Die bibliothecae Gottschedianae und St. Petersburg, *Wolfenbütteler Barock-Nachrichten*. H. 1/2, S. 127–150.

Dulac, G. (2007). "Rendre l'Académie impériale des sciences plus utile au public: le comte Alexandre Romanovitch Vorontsov à Jacob von Stählin (16 décembre 1767)", in: *Les Archives de l'Est et la France des Lumières: Guide des archives et inédits*, Sous la direction de G. Dulac et S. Karp. Ferney-Voltaire: CIEDS, pp. 338–344.

Dulac, G., Evdokimova, L. (1990). "Politique et littérature: La correspondance de Dmitri A. Golitsyn (1760–1784)", in: *Dix-huitième siècle*, no. 22, pp. 367–400.

Korolev, S.V. (2017). Katalog biblioteki imperatora Petra III [A Catalogue of the library of Emperor Peter III], S.-Peterburg: NLR (in Russian).

Kowalewicz, M. (2004). "Quelques aspects des réseaux de langue allemande autour de l'Académie des sciences de Pétersbourg", in: *La Culture française et les archives russes: Une image de l'Europe au XVIIIe siècle*, études réunies par Georges Dulac, Ferney-Voltaire: CIEDS, pp. 211–237.

Liechtenhan, Fr.-D. (2002). "Jacob von Stählin, académicien et courtisan", in: *Cahiers du monde russe*, vol. 43, no. 2–3, avril–septembre, pp. 321–332

Novik, V.K. (1999). Akademik Frants Epinus (1724–1802) [Academician Franz Aepinus (1724–1802)], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, no. 4, pp. 4–35 (in Russian).

Pekarskiy, P.P. (1870). *Istoriya imperatorskoy Akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of Sciences in Saint Petersburg], vol. 1, S.-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya nauk (in Russian).

Schippan, M. (2012). *Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert*, Wiesbaden: Harrassovitz Verlag, (Wolfenbütteler Forschungen. Bd. 131).

Smagina, G.I. (2001). "Die Schulreform Katharinas II.: Idee und Realisierung", in: Claus Scharff (Hrsg.), *Katharina II., Rußland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung* (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte. Beiheft 45), Mainz: Philipp von Zabern, S. 479–503.

Smagina, G.I. (2002). *Akademiya nauk i rossyskaya shkola (Vtoraya polovina XVIII v.)* [The Academy of Sciences and the Russian school (the second half of the 18th century)], S.-Peterburg: Nauka (in Russian).

Smagina, G.I. (2018). "Perveyshey svoey obyazannost'yu stavlyu slavu i protsvetaniye akademii": k 275-letiyu direktora akademii nauk knyagini E. R. Dashkovoy ["The First Responsibility I Have to Myself is the Glory and Prosperity of the Academy": to the 275th Anniversary of the Director of the Academy of Sciences, Princess Ekaterina Romanovna Dashkova], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 1–22 (in Russian).

Somov, V.A. (2000). "Braunshveygskaya biblioteka knyazya Dmitriya Alekseyevicha Golitsyna" [The Braunschweig Library of Prince Dmitry Alekseevich Golitsyn], in: *Istoriya bibliotek: Issledovaniya, materialy, dokumenty*, iss. 3, S.-Peterburg: NLR, pp. 170–193 (in Russian).

Stählin, K. (1926). *Aus den Papieren Jacob von Stählins — ein biographischer Beitrag zur deutsch-russischer Kulturgeschichte des 18. Jahrhunderts*, Königsberg; Berlin: Ost-Europa-Verlag.

Tsverava, G.K. (1985). *Dmitriy Alekseyevich Golitsyn* [Dmitry Alekseevich Golitsyn], Leningrad: Nauka (in Russian).